

Всё и ничто.

Низовцев Ю.М.

Юрий Низовцев

Всё и ничто

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Низовцев Ю. М.

Всё и ничто / Ю. М. Низовцев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В книге объясняется, каким образом ничто превращается во всё, оставаясь ничем.

Низовцев Ю.М.

Всё и ничто

(Приключения сознания)

Аннотация

В книге объясняется, каким образом ничто превращается во всё, оставаясь ничем.

Ключевые слова: сознание, бытие, информация, бесконечное, конечное, материя, время, пространство, движение, человек.

Содержание

Предисловие

Глава 1

Бесконечный, но дискретный информационный процесс, соединяющий активное и пассивное, как сущность мироздания

1.1.Об объективности, относительности и абсолютности истины

1.2.Активное и пассивное в своем единстве и разделенности

1.3.Информация как звено, связывающее пассивное и активное

1.4.Истина как проявление сущностей различных уровней

1.5.Проявление сознания на уровнях живого

1.6.Вещи в бытии как проекция распознанных сознанием фрагментов из Единого

1.7.Ход развития человечества в столкновениях истинного и ложного в условиях уплотнения времени

1.8.Неизбывность несовершенства человека и человеческих сообществ как движитель развития сознания

Глава 2

Об условии существования мироздания

2.1.Сущность мироздания

2.2.Смерть и сознание

2.3.Религия, философия и истинное сознание

2.4.Человек как голограмма и «мирское» существо в мироздании

Предисловие

Человек – существо странное. Кажется, – разум дан ему для того, чтобы всё исказить и перевернуть, испортить и наказать самого себя.

Его беда и счастье – это то, что он может и ощущать, и думать, и сознавать себя одновременно. Все эти признаки в совокупности свойственны только ему. Возможно, чувствуя это, мудрецы всех времен признавали только личность, а над ней некую высшую силу, отчасти, для того, чтобы не было так одиноко.

Тем не менее, на все резонные вопросы о смысле жизни и смерти вы нигде не найдете вразумительных ответов. Есть, конечно, разные соображения у философов, литераторов, в религиозных трактатах, но все они вызывают или зевоту, или сектантскую озабоченность.

Видимо, поэтому население всё более охладевает к процессу познания, ища только развлечений.

Можно жить в стремлениях к вкусной еде, вредным напиткам, прочим удовольствиям, карьере, власти, деньгам. Еще можно и повоевать, и окунуться в оупляющий труд. Но все это в лучшем случае сводит человека к уровню альфа-самца из стада орангутангов.

Достижение подобных целей дает ощущение жизни, но не позволяет в суе полноценно выразить себя именно как существу, существенно отличающемуся от животных.

Ранее непросто было выпустить книгу с ответами на каверзные вопросы и, тем самым подвергнуть сомнению основы истеблишмента.

Теперь Интернет предоставляет дополнительные возможности, хотя, конечно, тоже ограниченные: уж больно много сразу появилось «писателей» – едва ли не больше, чем читателей.

Как бы то ни было, для примера, поставим пару вопросов.

Ну, ладно, человек, – почил, и Бог с ним, но ведь и вся планетарная цивилизация тоже конечна. Долго ли какому-то астероиду смахнуть все живое с планеты? Или самим людям истребить себя целиком и полностью много чем имеющимся – от отравы до боеголовок, по какому-то поводу или сильно обидевшись друг на друга?

Так куда же денется всё наработанное – книги, балет, музыка, наука, техника, то есть культура и цивилизация? Пропадет безвозвратно?

Здравомыслящие люди ответят: всё проходит – такова природа вещей.

Люди верующие скажут – такова воля Божья.

Однако – это не ответ на поставленный вопрос, а уход от него.

Наука всего лишь дает определения, но ничего не определяет по существу.

Эта тупиковая ситуация наводит на мысль, что мир вещей может быть только подспорьем для чего-то, но не является самостоятельным.

Уход к Богу тоже ничего не решает, поскольку даже в райских куцах делать нечего.

Значит, в краткой человеческой жизни есть какой-то смысл, а смерть только подтверждает этот смысл.

Опять же, возьмем проблему времени. Кажется, нет ничего очевиднее ее потому, что мы все в нем находимся, и понятно – время нам дает всё и, как кажется, отнимает всё. Но откуда оно берется и зачем?

Если, например, высказать банальность в виде: время выражает длительность и последовательность событий мира, или время есть форма протекания физических процессов, или время – это необратимое течение, внутри которого всё происходит; то эти определения не отвечают на главный вопрос – откуда время взялось, кто или что его «производит», если производит, и для чего оно формируется?

А ведь еще Кант справедливо заметил, что вне сознания времени нет. Наука же как бы забыла об этом, хотя и задолго до Канта Аристотель высказал простейшую идею, состоящую в том, что время, как число, должно кем-то считаться.

Множество остальных вопросов, на которые до сих пор не было дано четких и доказательных ответов, освещены в этой работе, например: Почему никогда не случится совершенства ни в чем? Что такое истина и почему так важно стремиться к ней и свободе? Что связывает информационный процесс на самом деле и как информация соотносится с временем? Существует ли движение как первоначало? Есть ли нечто внешнее, управляющее нами? Что собой представляет реальность, данная нам в ощущениях? Чем заняты органы чувств и управляющие центры любого живого существа? Едино ли мироздание или двойственно? Существует ли материя, и если существует, то каков баланс мироздания и почему он именно такой? Что находится в основе бытия? Каким образом бытие формируется? Есть ли цель в этом формировании? Откуда взялось живое, если само по себе оно никак не могло появиться? Могут ли вещи (неживое) существовать самостоятельно и есть ли они вообще? Что такое сознание и как оно соотносится с неживым (вещами)? Каково течение времени – равномерное или ускоренное, как время формируется и совпадает ли оно с бытием? Как соотносятся бесконечное и

конечное в мироздании? Каков механизм, удерживающий мироздания от провала в небытие? Какие формы и каким образом могут сохраняться бесконечно, то есть – для каких форм смерть отсутствует, а какие и почему являются преходящими? Каков истинный смысл существования человека и человечества и, вообще, каждой появляющейся и исчезающей планетарной цивилизации? Почему бессмертие для человека не только невозможно, но и бессмысленно? Почему, подобно флюсу, материалисты и идеалисты односторонни? и т. д.

Глава 1

Бесконечный, но дискретный информационный процесс, соединяющий активное и пассивное, как сущность мироздания

1. Об объективности, относительности и абсолютности истины.

Если предположить, что истина есть адекватное отображение действительности в сознании, или адекватная информация об объектах, позволяющая человеку решать теоретические и практические задачи, то есть сознательно развиваться, не стоять на месте, быть в этом отношении свободным, то надо признать недостаточным определение истины, как только соответствия вещи интеллекту, поскольку, в частности, в течение жизни человек каждый раз после переработки информации из разных источников не имеет достаточной уверенности в адекватном отображении действительности в собственном сознании, и многое вынужден принимать на веру, а многое испытывать на практике наудачу.

Поэтому те правильные решения, которые человек находит, трудно назвать истиной в последней инстанции; скорее, они – результат опыта его самого, предшествующих поколений, его собственной изобретательности, его способности производить общее, отвлеченное, строить новые теории, выводить закономерности, на основе которых он может производить новые опыты, делая иные выводы, и т. д. Но всё это не дает исчерпывающего и окончательного знания предмета.

Действительно, это определение может отразить лишь стремление человеческого интеллекта к познанию вещей. Интеллект человека слаб, жизнь его коротка, а вещный мир бесконечно разнообразен. Одни установленные закономерности в ходе познания, течения жизни сменяются другими, появляются новые отношения, связи.

При этом мир человеческих отношений оказывается более сложным и неустойчивым, чем физический мир. Все достижения человеческой мысли не приводят к устранению разобщенности отдельных людей и различных народов.

Природа периодически показывает свою силу, несравнимую с человеческой, легко сокрушая любое человеческое сооружение, и его самого, несмотря на нынешнее техническое оснащение человечества.

Поэтому во многих умах появляется сомнение: существуют ли вообще всеобъемлющие, полные или абсолютные истины, раз ничто не может сделать человека счастливым, жизнь его бесконечной и безоблачной и, вместе с тем, осмысленной?

И действительно, оперировать понятием абсолютной истины мы можем только в отношении таких банальных утверждений, как Волга впадает в Каспийское море или, что сытый голодного не разумеет, да и то в рамках текущей жизни, когда еще есть моря и сама жизнь.

Само углубление ученых в микромир, в освоение космоса никак не объясняет появление живого в этом мире, появление самосознания в человекообразном существе, точнее, появление существа, сознающего себя.

Поэтому определять истину как полное, исчерпывающее знание о сложно организованной системе – мире, считая таковую абсолютной, абсурдно по целому ряду причин.

В частности, исчерпать знание невозможно, поскольку сам процесс познания столь безбрежной в своих отношениях даже только известной нам вселенной необозрим. Да и сам процесс познания человеком ограничен имеющимися у него пятью органами чувств и возможностями его мыслительного аппарата.

Кроме того, существуют и иные измерения, которые в принципе недоступны ни ощущениям человека, ни его аналитическим способностям. И вообще, бытие, открываемое сознанием во взаимодействии с ним, все время меняется, и эти изменения необратимы. Сами же изменения сознания, от которых зависит и качество проявляемого им бытия, непредсказуемы и часто произвольны. Если абсолютная, точнее, основополагающая истина все же существует, то ее надо определять иначе, не связывая с всезнанием, которое невозможно и бессмысленно.

Что касается объективности истины, то это понятие трактуется материалистами, например, в лице Ленина В. И. так: «... может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?» [1, с. 110]; «Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, – последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой» [1, с. 117].

Безусловно, для человека и человечества объективность истины проявляется в существовании звезд, Земли, самого человека и его цивилизации; с этим сложно спорить, поскольку всё это существует помимо его воли. В частности, «сбить» Солнце с орбиты затруднительно, как и отменить все химические и физические процессы в мире, а также – в организме самого человека.

Однако человек есть лишь временное выражение сознания в созданном им мире. Каждое индивидуальное сознание через человека создает свое «настоящее», своё время, своё непосредственное окружение, свою жизнь, которая, естественно, зависит от этого индивидуального сознания, но в этом процессе скрыто участвует единое сознание – оно через имеющиеся у человека ощущения формирует «настоящее» человека, то есть то, что является перед ним.

Отметим также, что ничего удивительного в этом нет, так как в голографической проекции каждое индивидуальное сознание есть единое сознание и наоборот, но каждое индивидуальное сознание в виде живого существа, то есть в бытии, временно персонифицировано блокированием непосредственной связи с его стороны с единым сознанием. Единое сознание также формирует голографическую проекцию вечного и бесконечного Единого, производной которой является бытие.

Поэтому для сознания бытие есть «создание» собственных «рук» из собственных изображений или формообразующих способностей, но на основе пассивного из Единого.

Таким образом, подобное бытие не может быть независимым от сознания; вместе с тем оно зависит от Единого и не может существовать без него, но каждое индивидуальное сознание в совместном существовании (жизни) с собственным носителем в силу временного отсоединения от единого сознания со своей стороны «падает» в объективно существующий (независимый от него) мир с объектами, движущимися в пространстве и находящимися во времени, причем среди объектов этого мира располагаются также подобные индивидуальные сознания в виде живых существ, которые так или иначе друг с другом вынуждены контактировать, образуя сообщества того или иного типа в зависимости от степени их развития.

При этом для каждого индивидуального сознания далекий внешний мир в виде вселенных, звезд, океанов и всего того, что оно в своем носителе не видит непосредственно или неспособно ощущать, безусловно, объективен, хотя он формируется единым сознанием, которое представляет и каждое индивидуальное сознание; но любое индивидуальное сознание в жизни человека, да и любого живого существа «отсечено» в себе от единого сознания и поэтому оно даже собственное «настоящее» формирует с помощью единого сознания на основе ощущений соответствующего живого существа.

Отсюда ясно, что являющийся ближний мир, или окружение каждого человека, его «настоящее» тоже не может быть зависимым непосредственно от индивидуального сознания; которое «принимает» этот мир как он есть, или как он является ему, хотя «настоящее» каждого индивидуального сознания формируется на основе ощущений самого человека, но индивидуальное сознание в человеке «делает» собственное окружение отчасти зависимым от себя только в своей деятельности. Собственно, для этого мир и «дан» каждому индивидуальному сознанию в человеке. Иначе, без этой базы, было бы бессмысленно говорить о развитии сознания в рамках имеющейся окружающей среды.

Так что эту разницу в зависимости и независимости мира от человека, связь его с ним через ощущения надо отмечать и не заявлять однозначно о вторичности сознания, о единственности объективной реальности, отражающейся в наших ощущениях, как это делает Ленин В. И. или же заявлять, как это делают Мах и Авенариус, о совпадении сознания (ощущений) и материи.

Активное (сознание) не может быть вторичным по отношению к неживым объектам, или вещам, не способным воспроизводиться, вещам без генома, так же как и реальность не может быть единственной – для каждого живого существа она своя, и «черпается» она сознанием каждого живого существа посредством имеющихся у него органов чувств непосредственно из безграничного Единого со скрытой помощью единого сознания, чтобы соответствовать каждому живому существу, видов коих может быть множество.

Это непростое соотношение вещей и сознания (ощущений), по-видимому, понимал, точнее, интуитивно чувствовал Ницше, который, в частности, не соглашался, что соответствие языка (орудия мышления) внешней и внутренней реальности есть истина: «Что такое слово? Передача звуками первого раздражения. Но делать заключение от раздражения нервов к причине, лежащей вне нас, есть уже результат ложного и недопустимого применения положения об основании. Если бы решающим условием при происхождении языка была только истина, а набирая обозначения предметов, люди довольствовались только достоверностью, – то таким образом мы могли бы говорить: «камень тверд», как будто слово «тверд» обозначает нечто абсолютное, а не наше совершенно субъективное ощущение!» [2, с. 3].

Что же касается Авенариуса в его противопоставлении объективной истине, которая им отрицается, ценности познания по принципу наименьшей траты сил: «Если основа теоретических апперцепций... состоит в принципе наименьшей меры сил, то влияние последнего должно сказаться в экономном выполнении самого процесса апперцепции. Оно, без сомнения, и сказывается в том, что сумма апперципирующих представлений доводится до минимума, необходимого для апперцепции. У сравнительно-научного сознания стремление ограничиться при апперцепции возможно меньшим воспроизведением представлений проявляется в потребности единства и в требовании избегать всего излишнего» [3, с. 12], то данный подход связан с работой организма, стремящегося к экономизации усилий, но не имеет прямого отношения к зависимости или независимости вещей от сознания.

Как мы показали выше, все вещи в бытии формируются единым сознанием через собственные частицы и в этом отношении зависят от него, но и единое сознание зависит от вещей, точнее, пассивного, поскольку формирует не сами вещи, а их копии на основе Единого, без которого у него не было бы «строительного материала».

Индивидуальное сознание так же формирует собственное непосредственное окружение, то есть окружение, которое входит в сферу его ощущений, но со скрытой помощью единого сознания и изменением им механизма восприятия вещей живым существом, так как пауза между импульсами от органов чувств к обрабатывающим центрам живого существа в виде пакетов информации, возникающая в силу физиологических особенностей каждого живого организма, что обусловлено необходимостью рефракционного, или восстанавливающего нерв-

ные волокна интервала между импульсами, выпадает для сознания – человеческий мозг не успевает ее зафиксировать из-за краткой длительности паузы.

Поэтому перед каждым живым существом (сознанием) после обработки информационных пакетов соответствующими центрами возникают движущиеся и меняющиеся объекты, и они, благодаря инерционному механизму их восприятия, в частности, человеком, когда отдельные импульсы сливаются в сплошной поток, считаются им объективной реальностью, данной ему в ощущениях, хотя каждая копия в голограмме в каждой позиции (первоначально) является неподвижной.

Таким образом, реальность как «ближний слой», как бы «окутывающий» человека в виде пространства, времени и движущихся вещей, «производится» каждым индивидуальным сознанием через ощущения человека скрыто от человеческого сознания, то есть автоматически благодаря единству индивидуального сознания и совокупного (единого) сознания.

В противном случае, то есть без времени, пространства, движущихся и меняющихся вещей в столь удобном и даже красочном виде природных явлений, никакой жизни, или событий не могло бы быть для человека, хотя «первозданная» голографическая проекция имеет совершенно иную структуру – в ней идет процесс высокочастотного обновления копий всех объектов голографической проекции на основе Единого с дальнейшим формированием, кроме известного нам измерения, совершенно иных измерений и картин бытия, которые человеку из его трехмерного измерения недоступны, но в которых наличествует время, пространство и движущиеся вещи, поскольку информационный процесс формирования времени единым сознанием через индивидуальные сознания означает образование вместе с ним пространства с копиями вещей в нем, которые для каждого индивидуального сознания в соответствующем ему носителе приобретают движение вследствие выпадения паузы в человеческом сознании между позициями копирования вещей.

Необходимо также отметить, что поскольку копирование вещей при каждом обновлении голографической проекции Единого осуществляется последовательно на основе того, что имеется, но с высокой частотой, постольку изменения копий вещей при каждом импульсе являются незначительными и привязанными к предшествующим формам в голографической проекции. В результате, в каждом индивидуальном сознании (живом) высокочастотное обновление отражается в конечном счете не хаотичными, а упорядоченными процессами изменения и движения бытия с соблюдением принципа причинности.

Сам термин «бытие» вместе с приставкой «со» каждый человек интуитивно понимает как происходящее, и если помыслить далее, то «событие» есть происходящее с кем-то и с чем-то в каком-то пространстве и в каком-то времени. Но разделение бытия на время, пространство и движение вещей в нем происходит только в сознании человека, и это разделенное бытие мы воочию наблюдаем.

Однако мы не знаем имеющегося за пределами того, что мы ощущаем, вследствие чего уже не одну сотню лет задается вопрос: есть что-либо вне сознания? Ведь бытие «оживляется» только лишь присутствием живого, да и сам термин «бытие» значит быт кого-то в чем-то. Таким образом, смысл бытия как вместилища вещей, по-видимому, состоит в «обслуживании» живого, наблюдающего, действующего, то есть не обязательно человека, но обязательно сознания, которое в своем высшем выражении еще и обладает не только способностью ощущать в собственном носителе, но и способностью понимать, в том числе и себя.

Если мысленно исключить сознание, «оставив» бытие как вместилище вещей наедине с собой в остатке, то получается не что иное, как небытие. Если же, напротив, исключить вещи, «оставив» сознание в одиночестве, то оно сразу же лишается жизни – нет вещей, времени, пространства, движения, нет и самого существования, так как сознание теряет опору и вместе с тем сопротивление чего-то, а без этого нет предмета ни для ощущений, ни для размышлений, ни для действий. Иначе говоря, бытие не существует вне сознания, а сознание неспособно

существовать без вещей, что означает неразрывность бытия и сознания в своей основе, то есть их единство. Значит, в своей основе – вне времени, или в бесконечности, они составляют единое целое и их можно обозначить как Единое. Остается только узнать способ их «выхода» из вечного и бесконечного Единого, то есть попытаться приблизиться к истине, составляющей тайну мироздания.

Но уже ясно, что сознание в бытии, которое не что иное, как производное проекции Единого, есть изменение пассивного сознанием; само же Единое есть то устойчивое, содержащее в себе всё, к которому можно обращаться для поддержания функционирования его собственной проекции, обновляющейся во времени сознанием; из этого следует, что одно и другое связаны.

В применении к человеку в этом пытался разобраться Хайдеггер, заявивший: «... присутствие имеет даже собственное «бытие-в-пространстве», что, однако, со своей стороны, возможно только на основе бытия-в-мире вообще» [4, с. 56].

Хайдеггер так же смог представить, что без движения, точнее, в нашей интерпретации – без перевода процесса обновления копий вещей в голографической проекции в человеческом сознании в движение, – мир остался бы скрытым для человека и непонятым им: «Если бытие-в-мире есть основоустройство присутствия, в каком оно движется не только вообще, но преимущественно в модусе повседневности, то это должно всегда и онтически ощущаться. Тотальная пропажа в скрытости была бы непонятна, тем более что присутствие располагает бытийным пониманием самого себя, сколь бы неопределенным оно не функционировало. Но как только задевали сам «феномен миропознания, он тут же подпадал «внешнему», формальному толкованию. Показатель тому – еще сегодня обычное введение познания как «субъект-объектного отношения», таящего в себе сколько истины, столько пустоты. Субъект и объект не совпадают и с присутствием и с миром» [4, с. 59].

Без внутреннего, то есть без сознания в человеке, бытие для человека, как познание отсутствуют, о чем также размышляет Хайдеггер: «Когда рефлектируют над этим бытийным отношением (бытия в мире и к миру), ближайшей данностью в качестве того, что познается, оказывается сущее, именуемое природой. На этом сущем познание само не обнаруживается. Если оно вообще «есть», то принадлежит единственно тому сущему, которое познает. Но и в этом сущем, человеческой вещи, познание тоже не налично. Во всяком случае, оно не констатируемо извне так, как, скажем, телесные свойства. И вот поскольку познание принадлежит этому сущему, но не есть внешнее свойство, ему остается быть «внутри»» [4, с. 60].

Любое живое существо ощущает мир по-своему, в соответствии с имеющимися у него органами чувств. Это осознает Хайдеггер и задает вопрос о возможности субъективности мира: «Не есть ли «мир» просто бытийная черта присутствия? И тогда «ближайшим образом» у всякого присутствия свой мир? Не делается ли тогда «мир» чем-то субъективным? Как тогда должен быть возможен еще и «общий» мир, «в» котором мы все-таки существуем? И когда ставится вопрос о «мире», какой мир имеется в виду? Ни этот, ни тот, но мирность мира вообще. На каком пути застигнем мы этот феномен?» [4, с. 64].

Не ведая об истинной структуре мироздания, о "механизме" его функционирования, Хайдеггер не может ответить на последний вопрос, кроме как констатируя многозначность мира, его разные стороны, что само по себе является банальностью.

Знания о любом предмете невозможно получить в полном объеме, поскольку в него можно углубляться бесконечно. Так что истина для человека может иметь только сущностный характер на соответствующих порогах познания.

Однако истина зависит, но не от человека, как такового, а от его сознания, что далеко не одно и то же, так как сознание может существовать и без человеческого тела, поскольку тоже является материальным образованием, получая, тем не менее, в человеке органы чувств. Именно единое сознание через органы чувств каждого человека формирует его «настоящее», то есть весь человеческий мир.

Поэтому всё первоначально являющееся есть для человека отнюдь не соответствие знаний действительности, поскольку знаний пока никаких нет, но оно есть соответствие ощущениям после их обработки сознанием с появлением пространственно-временной меняющейся картинки жизни, или формируемое самим сознанием посредством ощущений носителя сознания при непосредственной поддержке единого сознания на основе пассивного в необратимой последовательности текущее «настоящее». Этот процесс характерен не только для человека, но и для любого живого существа, и он происходит автоматически, точнее, вне понимания его человеком.

Только данный процесс формирования «настоящего» любого живого существа можно считать основополагающей истиной существующего для всего живого существа, точнее, его сущностью.

Но человек не останавливается, в отличие от остальных живых существ, на этой «картинке». Он, как сознающее себя существо с неизмеримыми потребностями и непреходящими стремлениями, желает узнать мир и улучшить свою жизнь, для чего ему волей-неволей приходится проникать в сущность вещей, «извлекая» из них на каждом уровне те или иные истины, естественно, относительные, или адекватные только для данного уровня. Проходя различные уровни в познании, сознающее себя существо расширяет тем самым собственный кругозор, определяет устойчивость в вещах и их порядке при различных условиях и меняет так или иначе собственную жизнь, и, стало быть, меняет собственное сознание.

Отчасти это понимал Гуссерль, но он не нашел лучшего решения, как только отнести полную истину к вневременному: «Никакая истина не есть факт, т.е. нечто определенное во времени. Истина, правда, может иметь значение, что существует вещь, имеется налицо состояние, совершается изменение и т. п., а сама истина выше всего временного, то есть не имеет смысла приписывать ей временное бытие, возникновение или уничтожение» [5, с. 80].

Однако вневременное есть бесконечное, вечное Единое, в котором потенциально находится всё, но проявляться это Единое может только во времени, а не само по себе. Поэтому данное соображение Гуссерля характеризует его как идеалиста, верящего в существование умопостигаемого, идеального, бесплотного, что можно отнести только к небытию или фантазиям религиозного сознания.

Истина относится к понятиям, с помощью которых человеческое сознание пытается оценить достоверность происходящего, чтобы не погрязнуть в иллюзиях, ложном, различных искажениях информации, что неизбежно ведет к гибели. Собственно, поэтому для человеческого сознания характерно стремление к истине, делающей существование человеческих сообществ возможным. А всё происходящее может случаться только во времени, даже, как кажется, отвлеченные от бытия математические выводы и доказательства.

Истина – не есть непосредственно определенность бытия и условие бытия, как полагает Гуссерль, смещая «центр тяжести» на бытие. Напротив, окружающее нас бытие, или существующее сущее в целом определяется единым сознанием, а «бытие», окружающее любое индивидуальное сознание, или его «настоящее» определяется самим индивидуальным сознанием ступенями собственного развития, каждая из которых подводит сознание к постижению сущностей на данном уровне бытия; иначе говоря, подводит сознание к пониманию им немногих устойчивых положений, закономерностей, связывающих являющееся на том уровне, которого достигло сознание, что и означает постижение им истин этого уровня бытия.

Истина есть эквивалент бытия сознанию в опыте, подтверждаемый каждый раз успехами сознания в использовании бытия; именно этим условием истина определяется и выходит в существование. Поэтому истина соотносится с уровнем развития сознания и в этом смысле является относительной и ее фактически можно приравнять к сущности определенного уровня и условий бытия, в которых она постигается.

Многочисленные определения понятия истины затрагивают всего лишь ее отдельные стороны, но не проникают в его смысл, поскольку классическое определение истины, в котором основным критерием истины признается тождество мышления и бытия, упирается в расплывчатые понятия «мышление» и «бытие», которые еще надо каким-то образом привести в соответствие.

Тем не менее, к истине в любом случае может прийти только сознание, «посмотрев» на себя, на свое окружение и, далее, выделяя предметы, пытаться привести в соответствие со своими намерениями эти предметы, скорее, меняя их в своем высшем выражении, чем приспособлявая себя под них.

Поэтому истина в процессе познания всегда конкретна и зависит от уровня знаний и умения прикладывать эти знания, то есть она, как правило, проверяется практикой и лишь ограниченно пользой, так как кажущиеся лишними и даже нежеланными на сей момент знания и умения могут в дальнейшем «перевернуть» мир, тогда как стремление к выгоде, удовлетворению определенных лишь убеждением (верой) желаний есть опущение человека до уровня «потребления» только полезного, что сродни животному приспособлению к среде вместо ее преобразования, и ведет в конечном итоге к деградации человека.

Так что, в частности, Пирс в «Началах прагматизма» слишком сузил понятие истины: «Поскольку истина есть не более и не менее чем характер какой-то пропозиции, состоящей в том, что убежденность в этой пропозиции, если таковая обоснована опытом и рефлексией, приведет нас к такому поведению, которое бы способствовало удовлетворению желаний, каковы эта убежденность будет определять. Говорить, что истина значит нечто большее, значит утверждать, что она вовсе не имеет значения» [6, с. 104].

Другое определение «отца» прагматизма Пирса, имеющее отношение к истине: «Из того, причиной чего, как вам представляется, способен стать предмет вашего понятия, учтите всё представимо практическое. Это будет все ваше понятие данного предмета» [6, с. 168] предлагает учесть «всё представимо практическое».

Тут тоже проявляется натяжка двух видов: сегодня практическое может представляться одним кругом вещей, завтра – другим, что вносит неопределенность в понятие предмета, на который к тому же можно посмотреть с неожиданной стороны – так появляются изобретения; кроме того, практическое есть всё же большей частью полезное, утилитарное, исключаящее воображение, полет мысли, «сумасшедшие» идеи, которые способны коренным образом менять нашу жизнь и действительно ее изменили, особенно за последние десятилетия.

Истина в соответствии с ростом знаний и практических применений меняет свой облик, так как человеческое сознание переходит от сущностей одного уровня к сущностям более глубоким. И в этом смысле истина соответствует открываемым сущностям.

Тут можно согласиться с Лениным В. И., который заявлял: «... «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем» [1, с. 127], с той поправкой, что «объективной природы вещей» изначально нет, так как не существует независимых от сознания вещей – все они, точнее, их копии, формируются сознанием в соответствии с его формообразующими способностями и «представляются» человеку для его жизни и развития, в ходе которого меняется само его сознание, приобретающее «временную» самостоятельность в каждой жизни индивидуального сознания. Поэтому только для односторонне «отсеченного» от единого сознания индивидуального сознания в человеке все вещи становятся независимыми от него при жизни, приобретая еще и движение, изменение именно для того, чтобы он мог преодолевать сопротивление среды из вещей и конкурирующих с ним других людей с их собственными индивидуальными сознаниями и «заставлять» вещи «подчиняться» ему.

Кроме практики, критерием истины не может не быть устойчивость искомого, выражающаяся и в целом ряде логических построений, практически не проверяемых, но основывающихся на известных законах.

Нельзя отрицать прикосновение к истине и интуитивно, то есть как процесса обретения истины без промежуточных ступеней от первоначала, коим может быть только являющееся, поскольку человеческому сознанию невозможно проникнуть в запредельное "пространство", откуда все являющееся берется.

Данную ситуацию с соотношением ощущений (сознания) и вещей задолго до Гуссерля поняли Гоббс и Беркли.

Гоббс отделяет ощущения со всеми их производными от объектов, порождающих в нас ощущения: «И хотя на определенном расстоянии представляется, будто произведенный нашей фантазией образ заключается в действительном и реальном объекте, который порождает его в нас, тем не менее, объект есть одно, а воображаемый образ или призрак – нечто другое» [7, с. 50-51].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.